

Пространство системы M22-35-18.

Тюремный транспорт «Део».

Маршрут: неизвестен.

Пункт отправления: система Карио.

Пункт назначения: неизвестен

Корабль вышел из прыжка, плавно материализовался в пространстве и завис над одной из безликих лун ближайшей планеты.

Долгую секунду в рубке висела тревожная тишина. Самый напряженный момент — завершение перехода.

— Все системы в норме, — доложил механик.

Сказанная уверенным голосом фраза вызвала оживление. Кто-то неприкрыто вздохнул с облегчением. Последний прыжок проходил на максимальной дистанции для корабля подобного класса.

— И зачем так мудрить? — проворчал капитан вслух, ни к кому конкретно не обращаясь. — Отправили бы по обычной схеме через транспортную сеть арок и никаких проблем.

— Секретность, — важно протянул навигатор.

Приказ кардинально изменить маршрут тюремного транспорта пришел в последний момент, и именно ему пришлось попотеть, прокладывая курс по измененным координатам.

— Ну-ну.

Завизированная по всей форме СБ электронная бумажка вызвала у капитана чувство неясной тревоги и раздражения человека, хорошо знающего свое дело, но которому все равно какие-то умники сверху пытались указывать, как выполнять свои обязанности.

— Саботаж и попытка отбить заключенных, — процитировал по памяти капитан отрывок из экстренного распоряжения. — Кто в этот бред поверит?

— Разве это нереально? — поднял голову механик.

На экране перед ним мелькали колонки цифр, шла активная диагностика бортовых систем для подготовки нового прыжка.

— Побег? Куда? В открытый космос? — капитан излучал скепсис.

— Тем более наши клиенты не в том состоянии, чтобы куда-то бежать, — поддержал его навигатор.

В отличие от механика, его работа начнется чуть позже, имелся законный повод слегка побездельничать.

— Можно провести абордаж и освободить вручную, — продолжил механик, судя по всему, рассуждая в рамках теории, чем действительно думая, что кто-то таким образом поступит.

Капитан принял игру.

— Можно, — согласился он. — Но для этого нужно точно знать маршрут транспорта, иметь в наличии межсистемник, достаточно шустрый, чтобы успеть уйти до прихода пограничных корветов, и команду отчаянных головорезов, хорошо экипированных, умеющих действовать в безвоздушном пространстве. Знаешь, во сколько такая операция

обойдется? Легче договориться с кем-то из корпов и вызволить нужного человека, чем устраивать нечто подобное.

— Много шума, — кивнул навигатор. — Проще дать взятку.

— Не всех отдадут за деньги, — возразил механик, но продолжать спор не стал.

Внезапно на одном из экранов выскочила предупредительная надпись, алые символы привлекли внимание всего экипажа.

— Это еще что? — нахмурился капитан.

В тот же миг корабль ощутимо трянуло.

— Перегрузка в энергосистеме, — закричал механик. — Несанкционированный запуск маршевых двигателей по левому борту.

Транспортник наклонился, совершенно неожиданно отключилась искусственная гравитация.

— Что там у тебя происходит?! — заорал капитан, нелепо махая рукам и пытаясь удержать равновесие.

Он, как и двое других членов экипажа, находящихся в данный момент в рубке, зависли в воздухе.

— Идиот! — мрачно буркнул навигатор, адресуясь к ответственному за техническое обеспечение корабля.

Механик огрызнулся чем-то невразумительным и, оттолкнувшись от стойки одного из закрепленных сверху экранов, подлетел к своему месту.

— Нарушение работы в силовой установке, — доложил он спустя мгновение.

— Почему вспомогательные генераторы не запустились? — яростно прошипел капитан. Он терпеть не мог невесомость и сейчас прикладывал все усилия, чтобы вернуться обратно в кресло.

— Какой-то сбой, — механик быстро набирал команды на консоли, вглядывался в результат и тихо ругался.

— У нас отклонение по курсу, — навигатору тоже удалось добраться до приборной доски. — Ориентация относительно спутника сместилась.

Капитан отмахнулся.

— Плевать. Там нет атмосферы.

Нет атмосферы, значит, некуда падать. Для корабля, предназначенного для полетов в обычном космосе, нет ничего хуже, чем попасть в гравитационный колодец. Развалится на куски еще в падении.

— Подача на основные узлы не идет, — угрюмо сообщил механик. — Что-то блокирует команду.

— Кто-то покопался в директивах бортовой энергосистемы? — мрачно спросил капитан.

Механик помедлил, затем признался:

— Не знаю, без глубокой проверки трудно сказать.

Корабль вздрогнул, на этот раз намного сильнее.

— Движки пошли вразнос, — как-то буднично сообщил механик.

Атмосфера обреченности накатила волной. Тюремный транспорт не боевой крейсер и даже не пассажирское судно, запас прочности у него ниже стандарта.

Рубка резко стала напоминать склеп с мертвецами, которые только по счастливой случайности пока еще говорили и дышали.

— Эвакуация, — хрипло выдохнул капитан и первым полетел в сторону выхода.

Как назло именно в этот момент заработали генераторы искусственного притяжения, и, вместо того

чтобы плавно проплыть к дверям, капитан со всего размаха грохнулся на ребристый металлический пол, где и остался лежать, неудачно задев виском выступающий угол основания пульта.

Навигатор с механиком посмотрели на неподвижное тело, заметили вытекающую из-под головы густую струйку крови, переглянулись и, не сговариваясь, бросились из рубки вон.

* * *

Пробуждение, резкое как переключение рубильника. Осознание себя лежащим на чем-то твердом. Какофония звуков и запахов. Органы чувств, включившиеся как по щелчку.

Внутри мутит и все переворачивается, тошнота рывком подступает к горлу, мышцы наливаются свинцом и отказываются слушать, разум пылает тупой ноющей болью, сознание вязнет в густом тумане непонимания.

Где я? Кто я?

Вопросы вспыхивают и гаснут. Мысли ускользают и не желают оставаться надолго. Думать трудно, сосредоточиться на чем-то одном практически невозможно.

Следует попытка пошевелить рукой. Вялые мышцы неохотно подчиняются, и левый мизинец едва заметно дергается под влиянием посланных от мозга нервных импульсов.

Надо открыть глаза.

Подумал и почти сразу забыл об этом. Снова нахлынула серая хмарь, изгоняя сознание на уровень ниже, чем у разумных, туда, где властвуют одни лишь звериные инстинкты.

Как ни странно, в какой-то мере это приносит облегчение.

Думать не надо, надо действовать. Чтобы выжить. Здесь и сейчас.

Глаза открываются сами собой, теперь нет нужды ради этого делать усилия. На смену рассудку пришли древние инстинкты выживания, имеющиеся у любого сложного организма.

Не нужно подгонять себя, заставлять. Ты либо делаешь, либо умираешь. Вот так все просто.

И глаза открываются.

Мутная пелена. Что-то мешает рассмотреть, что вокруг происходит. Надо выбирать — не мысль, еще один посыл откуда-то из глубины подсознания.

Поднимаю руки. Они упираются в прозрачную стену. Стекло — понимание приходит внезапно. Или пластик? Разум начинает работать, но пока еще не слишком охотно, у руля все еще подсознание.

Бью по невидимой преграде. Получается плохо. Мышцы похожи на распущенные веревки, удары выходят слабыми, почти незаметными.

Становится трудно дышать, только сейчас понимаю, что рот и нос закрыты плотно прилегающей маской.

Преграда исчезает внезапно. Съезжает вбок и тонет в боковых пазах. Раздаются щелчки, маска сама отпадает. На автомате делаю глубокий вдох и тут же захожусь в кашле.

Холод сковывает тело. По коже пробегают мурашки.

Рывок. Осознаю себя сидящим в продолговатой капсуле. Глаза открыты. Длинное помещение залито кроваво-красным светом. По ушам бьют противные дребезжащие звуки.

Аварийная тревога — знание появляется неожиданно.

И снова: надо выбирать.

Справа и слева тянется ряд похожих капсул, крышки там тоже открыты, из некоторых выныривают люди, как и я, переходя в сидячее положение. У всех потерянный вид.

Сознание полностью прояснилось.

Мимо пробегают несколько человек. Они не останавливаются и не пытаются помочь. В серых безликих комбезах, они, видимо, очнулись чуть раньше, чем остальные, и пришли в себя настолько, что смогли двигаться.

Рядом со мной один притормаживает.

Машинально поднимаю голову, незнакомый мужик почему-то глядит на мою шею, хмурится.

— Живой?

Не отвечаю, потому что вопрос кажется идиотским. Был бы неживым, не сидел бы, а лежал дальше в пластиковом гробу.

— Давай вставай, — он почему-то начинает мне помогать.

Меня мутит, но не показываю этого. Откуда-то появляется твердая уверенность, что слабость нельзя демонстрировать другим. Особенно тем, кого видишь в первый раз в жизни.

— Надо успеть первыми, — горячо шепчет мужик, подставляя плечо. — Сомневаюсь, что на этой посудине достаточно спасательных шлюпок.

Идем по длинному коридору, босые ноги шлепают по ребристой поверхности. Пол металлический, холодный.

Сначала кружится голова и приходится тяжело, но организм проявляет чудеса стойкости, быстро

приходя в норму. Уже через десяток шагов перестаю опираться на плечо незнакомца и начинаю идти самостоятельно.

— Не туда, направо, — на развилке командует он.

Мы проходим через двойные шлюзовые створки, они распахиваются при нашем приближении, не препятствуя.

— Грузовой отсек, — комментирует мой спутник, указывая на ряд желтых символов на серой стене.

И махает рукой назад, туда, откуда мы вышли. Получается, мы находились в грузовом отсеке. Странно.

Двигаемся дальше, коридор окрашен в алый, не прекращаясь звучит сигнал тревоги. Метров через пять путь преграждает стальная переборка. Следует очередная заминка.

Мой товарищ склоняется над неказистым пультом справа, что-то яростно шепчет, тыча мясистыми пальцами в кнопки.

— Не выходит, — поворачивается ко мне. В красном освещении его лицо выглядит мертвенно-бледным, почти синюшным, как у залежалого трупа.

Проклятье! И откуда такие красочные сравнения? Мне уже приходилось видеть трупы не первой свежести?

Память молчит, в воспоминаниях до пробуждения до сих пор пустота. Это вызывает неосознанный страх.

И вот что странно: что такое «спасательная шлюпка» или «пульт», я знаю, но кто такой сам — без малейшего понятия.

Рефлекторно замечаю, как собственные пальцы начинают мелко подрагивать. Накатывает злость на

самого себя за малодушие, встряхиваю рукой и крепко сжимаю в кулак.

— Другие... что бежали впереди... куда они делись? — спрашиваю отрывисто, кивая назад.

Незнакомец молчит, низкий лоб пересекает глубокая складка. Похоже, он только сейчас задумался о судьбе своих недавних приятелей по побегу. Пока остальные медленно приходили в себя, несколько человек успели не только выбраться из капсул, но и куда-то сбежать.

— Не туда повернули, — догадывается он.

Снова бег по кровавому коридору с железным полом, раздражающий звук аварийной тревоги заползает в уши, проникает в мозг, заставляя стискивать зубы в мучительном спазме.

Добираемся до развилки, на этот раз выбираем правильное направление и снова бежим, шлепая голыми ступнями по ребристой поверхности.

Успеваем в последний момент. Два каких-то мужика в черных комбезах открывают створки у бокового прохода. Причем делают это почему-то вручную.

Они ругаются, сопят, напрягаясь изо всех сил, и не замечают нашего приближения. Слева еще один узкий проход, но он уже закрыт изолирующей мембраной. Кто-то успел воспользоваться одной из спасательных шлюпок.

Мой спутник что-то рычит и с места бросается вперед диким зверем. Как и мне, ему не нужно объяснять ситуацию, если эти двое успеют забраться в шлюпку, то других шансов спастись у нас не останется.

В последний миг один из двоих успевает заметить краем глаза какое-то движение за спиной и от-

страниться. Удар, должный попасть прямо в челюсть и гарантированно вырубить сублильного мужичка, попадает ему по плечу, идет вскользь и лишь опрокидывает навзничь.

Второй начинает разворачиваться на шум.

Я на месте не остаюсь, присоединяюсь к драке и, к своему удивлению, намного успешнее товарища.

Плавное скольжение вправо и немного вперед, пропускаю удар кулака над скулой, слегка пригибаюсь и от души бью под дых. Враг сгибается, из легких с шумом вырывается воздух, слышится стон, быстро переходящий в хрип.

Не останавливаюсь. Взлетает вверх ребро ладони и гильотиной опускается вниз, как раз на затылок согнувшегося мужика в черном. Грохот падения.

Вырубил. Оборачиваюсь к напарнику, тот уже закончил со своим, тот также валяется без сознания.

— Помоги. Замок заело.

Наваливаемся вдвоем на створки, медленно раздвигаем. Мышцы до сих пор вялые, приходится прилагать немалые усилия.

— Готово. Давай внутрь.

Забегаем в темный проем, идти оказывается недалеко, уже скоро проходим еще через одну раздвижную переборку, на этот раз механика срабатывает, как надо, и без проблем пропускает нас дальше.

— Аварийная ситуация. Доступ по сенсорам, настроен на живых существ, — объясняет спутник.

Информация отдает в разуме слабой вспышкой понимания. Что такое «сенсоры», я знаю. Но только в общих чертах, никакой конкретики.

Вообще с памятью творилась полная неразбериха, провалы ощущались едва ли не физически, слов-

но кто-то взял и покромсал ее на отдельные ломти, что-то выбросил, что-то оставил, а что-то еще более мелко порезал.

Неуютное чувство — не знать самого себя.

— Садись. Пристегивайся.

Послушно плюхаюсь в предложенное кресло, руки нашаривают эластичные ремни по бокам только со второй попытки. Напарник усаживается на соседнее место, тут же начинает колдовать над приборной доской. Выглядит она неказисто, даже примитивно. Сенсорный экран по центру, парочка по бокам. Управление через интерактивное меню.

— Отлично. Есть автопилот.

Значение слова всплывает из глубин сознания неохотно и уже с явной задержкой. Но я все-таки понимаю смысл сказанного.

— Не требует доступа. Спас-бот стандартной комплектации класса «Чешуйка», — зачем-то комментирует свои действия мой спутник.

Озвученное название кажется смешным и нелепым. Кто назвал спасательную шлюпку «чешуйка»? Звучит по-дурацки.

А впрочем, не все ли равно? Я уже понял, что мы находились на космическом корабле и что на борту чрезвычайная ситуация. Вывод — надо его покинуть как можно скорее.

— Что с остальными? — киваю назад, где осталась целая шеренга других капсул с пленниками.

«Стазис-камеры» — вспышкой озарения возникает знание об истинном предназначении продолговатых пеналов из плотного пластика.

— А куда ты их собрался здесь впихивать? — нервно откликается напарник, не останавливаясь нажимая на светящиеся иконки.